

НАСЛЕДИЕ ВОЛЬТЕРА В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ¹

Личное собрание Вольтера, включающее около 7 тысяч книг и рукописей, поступило в Императорскую Публичную библиотеку в 1861 г.

Это событие должно было произойти гораздо раньше, сразу после постройки для Библиотеки собственного здания ². М. И. Антоновский ³, один из чиновников Кабинета ЕИВ, немало сделавший для устройства ИПБ на первоначальном этапе ее становления, письмом от 26 ноября 1801 г. сообщал императору Александру I: «Блаженной памяти Государыня Императрица повелела выстроить для оной Библиотеки здание <...>. Намерение Ея Величества было сделать Библиотеку сию, по примеру всех в Свете просвещенных Государств, публичную, то есть предоставленную для пользы и просвещения Российской Империи, умножив оную славными, при Дворе находившимися, библиотеками Вольтеровою, Дидеротовою и другими»⁴. Однако на этом этапе намерению императрицы Екатерины Великой не суждено было осуществиться. Библиотека Вольтера переместилась в национальное книгохранилище значительно позже, при императоре Александре II.

Процедура ее передачи происходила следующим образом.

22 ноября 1861 г. директор библиотеки Модест Андреевич Корф ⁵ получил письменное уведомление министра Императорского двора Владимира Федоровича Адлерберга ⁶, в котором тот сообщил: «Государь Император ⁷, имея в виду необходимость в совершенно новом размещении в Императорском Эрмитаже редких и драгоценных художественных и других предметов <...> для достижения сего Высочайше соизволил предназначить: из находящихся в Эрмитаже библиотек, с Вольтеровскою включительно, оставить в оном лишь те издания, кои относятся до изящных искусств, их истории и археологические, равно Библиотеку Русскую, для служителей учрежденную, и затем все прочее из тех Библиотек, равномерно и все хранящиеся в Эрмитаже манускрипты, не исключая и украшенных миниатюрною живописью, передать в Императорскую Публичную библиотеку»⁸. В. Ф. Адлерберг просил М. А. Корфа связаться

с ним как можно быстрее, и в тот же день М. А. Корф ответил: «Поспешаю донести, что к помещению в здании Императорской Публичной библиотеки всех, находящихся ныне в Императорском Эрмитаже манускриптов, равно как и Вольтеровской Библиотеки, если с ними будут переданы витрины и шкапы, в которых они хранятся, затруднения [быть] (*в рукописи* — настоять. — И. З.) не может»⁹. В скором времени библиотека Вольтера была доставлена в Императорскую Публичную библиотеку, и в ее печатном отчете за 1861 г. отмечено: «С библиотекою Вольтера поступили к нам превосходные шкафы из разноцветного дерева, служившие для ее помещения; по недостатку покуда особой залы библиотека эта временно расположена посередине большой залы, назначенной для правопедения и камеральных наук»¹⁰.

Следует заметить, что этим шкафам, полученным вместе с библиотекою Вольтера, придавалось немалое значение, и о них неоднократно упоминалось в разных изданиях ИПБ¹¹. Речь шла, по всей вероятности, не только о том, что это была мебель красного дерева, сделанная по заказу императрицы Екатерины II специально для этого собрания, но и о том, что библиотека постоянно испытывала затруднения как с местом для размещения фондов, так и с мебелью для них, и передача собрания Вольтера вместе с добротными шкафами являлась для нее большим подспорьем.

В мае следующего года директор библиотеки, на тот момент Иван Давыдович Делянов¹², получил следующее извещение из Министерства императорского двора: «Находящаяся ныне в Царском Селе статуя Вольтера, работы Гудона, по Высочайшему повелению назначена к передаче в Императорскую Публичную библиотеку, так как она всегда была вместе с библиотекою сего автора»¹³. Рапорт о доставлении в ИПБ скульптуры датирован 2 июня 1862 г.¹⁴ Памятник Вольтеру был помещен рядом с его собранием в том же зале № X¹⁵. После реконструкции здания библиотеки¹⁶, в 1866 г., собрание Вольтера перенесли в круглый зал второго этажа¹⁷, а после завершения всех ремонтных работ туда же поместили и его статую¹⁸. Место было выбрано настолько удачно, что Рудольф Минцлов¹⁹ в книжке «Прогулка по С.-Петербуржской Императорской Публичной библиотеке» посвятил целый абзац самой скульптуре: «Поднимаясь в верхний этаж и остановившись на половине лестницы, вы с удивлением видите перед собою мраморное изваяние, статую Вольтера <...>. Фигура дряхлого старца дышит жизнью

и спокойствием, исполненным достоинства (...). Она представлена сидящей в античном костюме поэта, легко опершись обеими руками на ручку кресла и склонивши голову вперед, так как бы хотела подняться с места и идти к вам навстречу; на устах невыразимая улыбка, которую можно понять, читая его сочинения, и которую можно назвать только вольтеровскою; она слишком тонка для того, чтобы привлечь сердце, и, однако же, далеко не настолько зла, чтобы оттолкнуть его (...). Не зная, кого представляет фигура, можно было бы принять ее за идеализацию старости. Веяние мысли, вдохновляющей эти дряхлые формы, придает им красу»²⁰. Скульптура находилась в библиотеке до октября 1887 г., после чего, по требованию следующего императора, Александра III, была перевезена в Эрмитаж. В документах архива РНБ сохранилась расписка Министерства императорского двора от 17 октября 1887 г.: «Согласно Высочайшей воле, мраморная статуя Вольтера работы французского художника Гудона, перевезенная 13 сего октября Скульптурным подмастерьем Симоновым из Императорской Публичной библиотеки, в Императорский Эрмитаж получена в исправности»²¹. Бронзовая копия этой скульптуры была изготовлена уже в наши дни и, образно говоря, великий просветитель вновь воссоединился со своей библиотекой.

В начале XX века собрание Вольтера переместили в зал XV²², а в 1941 г., вместе с другими редкими и ценными фондами ГПБ, оно было эвакуировано в Мелекесс (ныне г. Димитровград, Ульяновской обл.). После возвращения из эвакуации библиотека Вольтера вошла в состав фондов Отдела редкой книги, созданного в 1946 г., и была размещена в помещении этого отдела, через зал от «кабинета Фауста».

Перемещение собрания Вольтера в Императорскую Публичную библиотеку открыло к нему доступ всем заинтересованным лицам. В печати появились публикации, заметки, очерки, эссе, статьи, посвященные истории приобретения библиотеки, характеристике ее репертуара²³. Один из наиболее значимых результатов этого периода изучения коллекции заключается в оценке ее источниковедческого потенциала. Не будет большим преувеличением сказать, что именно тогда было заложено целое направление в отечественном вольтероведении — исследование творчества философа через призму его читательских помет на книгах собственной библиотеки. У истоков этого направления стоял Эрнест Львович Радлов²⁴, работавший с 1880 г. по 1899 г. библиотекарем в Отделении философии ИПБ, в котором тогда хранилась библиотека

Вольтера. В 1890 г. он опубликовал статью под заглавием «Отношение Вольтера к Руссо», основанную на изучении помет Вольтера на книге Ж.-Ж. Руссо «Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes» (1754) ²⁵. Ценность маргиналий вольтеровского собрания, научный интерес и значение его собственноручных записей на полях книг специалисты отмечали и раньше. Однако Э. Л. Радлов первым применил метод анализа его помет как инструмент, вводящий в творческую лабораторию французского просветителя. Академик М. П. Алексеев писал об этом: «Статья Э. Л. Радлова, этот первый опыт монографического изучения маргиналий Вольтера на одной лишь его книге, представляла, однако, значительный интерес, так как была в своем роде типической — из нее явствовало, к каким существенным выводам можно прийти, изучая пометы Вольтера на его книгах вообще»²⁶. Метод Э. Л. Радлова обрел последователей как в России, так и за рубежом и получил широкое распространение среди вольтероведов. В 1899 г. Министерство народного просвещения отозвало Э. Л. Радлова из ИПБ. Его назначили редактором журнала указанного министерства и ввели в Совет министра народного просвещения. Это прервало работу Э. Л. Радлова в заданном им направлении с пометами Вольтера.

После ухода Э. Л. Радлова заведование Отделением философии, а, следовательно, и библиотекой Вольтера, было возложено на Александра Александровича Флоридова ²⁷. После его кончины, в 1913 г., заведующим отделением назначили Василия Васильевича Успенского ²⁸.

В 1916 г. Э. Л. Радлов вновь поступил на службу в Библиотеку. Его пригласил на должность своего помощника директор ИПБ Д. Ф. Кобеко ²⁹. В 1918 г. Эрнест Львович был избран директором Библиотеки и одновременно назначен заведующим Отделением инкунабулов, альдов и эльзевиров. При всех многочисленных обязанностях он тем не менее изыскивал время для занятий вольтеровским собранием. К сожалению, наблюдения и материалы, накопленные им за эти годы, не нашли издательского воплощения, но они были очень важны для научного описания этой коллекции, уже намеченного Библиотекой на ближайшую перспективу. В 1927 г. из-за ухудшившегося самочувствия Э. Л. Радлов подал прошение об отставке. Николай Яковлевич Марр ³⁰, сменивший его на посту директора ГПБ, обратился к Эрнесту Львовичу с официальным письмом от 18.02.1927: «Правление ГПБ, заслушав в последнем своем заседании сообщение о выраженном Вами желании

оставить службу в Библиотеке, постановило избрать Вас почетным членом Ученого совета и просить Вас остаться консультантом по работам над архивом Вольтера»³¹. Однако пошатнувшееся здоровье 73-летнего ученого не позволило ему принять деятельного участия в новых проектах Библиотеки. В следующем, 1928 году, Э. Л. Радлов скончался.

Между тем в ГПБ разрабатывались перспективные планы системной работы с собранием Вольтера. На первое место была выдвинута задача составления его каталога. Не последнюю роль в постановке этой работы в число приоритетных для ГПБ сыграл интерес зарубежных ученых к собранию Вольтера. Иностранцы опережали петербургских/ленинградских исследователей знаменитой личной библиотеки в деле описания и представления ее международному сообществу. Француз Фернан Косси еще в 1913 г. издал в Париже инвентарь рукописей библиотеки Вольтера³². В 1928—1930 гг. американцы Джордж Р. Хавенс и Норманн Л. Торри опубликовали серию статей, посвященных этой библиотеке, в том числе описанию ее репертуара, несколько позже вышла работа Хавенса с описанием всех вольтеровских помет в изданиях Руссо³³ — все это явилось результатом их посещения ГПБ в качестве читателей в 1927 г.

В 1927 г. руководство ГПБ предписало В. В. Успенскому организовать в подчиненном ему Отделении философии работу по предварительной подготовке собрания Вольтера к каталогизации. В начале года в отделении состоялось совещание, на котором обсуждались необходимый для этого комплекс работ и методика их проведения. Совещание вел ученый секретарь Библиотеки В. Э. Банк³⁴, в нем участвовали так же заведующий Отделением картографии В. А. Бриллиант³⁵ — специалист в области каталогизации иностранной литературы, и сам В. В. Успенский. В. Э. Банк особо подчеркивал, что эту работу «нельзя отложить впредь»³⁶. В помощь отделению, штат которого в 1927 г. состоял из трех человек, был дополнительно прикомандирован внештатный научный сотрудник Л. К. Гессе³⁷. В отчете за 1927 г. В. В. Успенский писал: «Отделение было занято предварительными работами по каталогизации библиотеки Вольтера (...). За истекший отчетный год библиотека Вольтера была вся пересмотрена, причем из числящихся в ней 7000 томов были взяты на учет все книги, содержащие маргинальные заметки Вольтера, а также выявлены все книги с закладками, написанными его рукой. Для учета этого материала составлена особая опись. Начались работы по описанию этой библиотеки принятыми в Библиотеке методами. В первую

очередь работа производилась над фолиантами»³⁸. В производственном плане ГПБ на 1928 г. предусматривалось: «Отделению Философии (<...> закончить подготовительную работу по библиотеке Вольтера, самое же описание книг начать лишь после того, как при активном участии отдела будет выработана общебиблиотечная инструкция алфавитного каталога»³⁹. Однако уже в 1927 г. один из сотрудников отделения был переведен на другой участок работы. При представлении в дирекцию графика отпусков на этот год В. В. Успенский докладывал: «Мои сотрудники по отделению, в настоящее время фактически работающие в отделении: Н. Ф. Шишмарева ⁴⁰ и Л. К. Гессе, являются внештатными служащими (<...>). Научный сотрудник Э. Г. Лурье ⁴¹ в настоящее время откомандирована временно для занятий в русском отделении»⁴². В 1928 г. в отделении осталось два сотрудника. В отчете В. В. Успенского за этот год сказано: «Работы (по каталогизации собрания Вольтера. — И. З.) были незначительны вследствие сокращения особого лица, работавшего ранее специально по библиотеке Вольтера, как было и предусмотрено производственным планом. (<...> проверено свыше 100 томов, готовых к постановке и каталогизации» и, скептически оценивая перспективы этой работы в следующем году, отмечал в плане на 1929 г.: «Продолжение работ по библиотеке Вольтера, если остается возможным при наличии 2 работников (3-й работник сокращен)»⁴³. Тем не менее работа с коллекцией была поставлена в сводный библиотечный план на 1929 г., в нем записано: «В особых условиях (<...> должно находиться собрание Вольтера и Библиотека рассчитывает, что при наличии двух сотрудников представляется возможным выделить на 1—1,5 месяца одного сотрудника для продолжения работ по надлежащему научному оформлению этого собрания»⁴⁴. В 1929—1930 гг. в Отделении по-прежнему работали два человека — В. В. Успенский и Л. К. Гессе ⁴⁵.

Это был очень трудный период в деятельности ГПБ, она не была обеспечена ни необходимым штатом, ни достаточным финансированием. Это неизбежно вело к сокращению штатной численности и приостановке работ на разных направлениях деятельности. На заседании Правления ГПБ, состоявшегося 9 февраля 1928 г., в числе прочих вопросов обсуждался и ход работы над каталогом собрания Вольтера. Иннокентий Иванович Яковкин ⁴⁶, в то время заместитель директора Библиотеки, сообщил, что в силу тяжелого финансового положения, придется сократить часть сотрудников, часть перевести на половину ставки. В числе прочих, кого

предполагалось перевести на 0,5 ставки, он назвал «Гессе, работающего по составлению каталога библиотеки Вольтера», уточнив: «Работа по каталогизации библиотеки Вольтера поставлена на очередь ввиду как огромного значения этого собрания, так и интереса, проявленного к последнему со стороны американских ученых, работавших в Библиотеке. Работу эту предполагается не прекратить, а лишь сократить ее темп ввиду отсутствия средств и невозможности снять или сократить время работающих в более неотложных и актуальных областях — по инвентаризации и систематизации текущих поступлений, по обслуживанию читателей и т. п.»⁴⁷. Члены правления не поддержали этого предложения, и Л. К. Гессе остался работать на полную ставку. Однако такие меры не могли дать ощутимого результата. Все направления деятельности Отделения — комплектование, обработка новых поступлений, обслуживание, в том числе справочно-библиографическое, съемка, расстановка, — одним словом, вся текущая, не терпящая отлагательств работа, должна была обеспечиваться в полном объеме силами двух сотрудников. Полагать, что в таких условиях они могут заниматься еще и научным описанием вольтеровской библиотеки, было утопией. Тем не менее за неполные три года Василий Васильевич Успенский и Леонгард Карлович Гессе успели сделать немало. Они завершили первый этап предварительной подготовки собрания Вольтера к каталогизации, заложив первые камни в фундамент этой большой, растянувшейся на десятки лет, работы.

В июле 1930 г. Л. К. Гессе был уволен из ГПБ по постановлению Центральной Комиссии по чистке научно-исследовательских учреждений ⁴⁸, а в начале августа этого года скоропостижно скончался В. В. Успенский ⁴⁹.

Работу с собранием Вольтера на инициативных началах продолжил Владимир Сергеевич Люблинский ⁵⁰, что позже, 11 февраля 1931 г., было закреплено распоряжением по ГПБ: «Заведование библиотекой Вольтера возлагается на библиотекаря I разряда Люблинского В. С., ведущего означенную работу со дня смерти гл. библиотекаря В. В. Успенского»⁵¹.

Следует отметить, что к этому времени уже произошла структурная перестройка ГПБ, отраслевые отделения, в том числе Отделение философии, были упразднены. Библиотека Вольтера, не являясь самостоятельным структурным подразделением, сохранила статус особой коллекции, что следует из назначения на нее ответственного лица в должности заведующего.

В. С. Люблинский недолго оставался в этой должности, распоряжением по ГПБ от 17 марта 1932 г. он был «освобожден с 4 с.[его] м.[есяца] от заведования библиотекой Вольтера, каковое с того же дня возложено на гл. б-ря Лозинского М. Л.⁵²»⁵³. К распоряжению приложен «Приемосдаточный акт», подписанный В. С. Люблинским и М. Л. Лозинским, который дает некоторое представление о состоянии работы с коллекцией на тот момент: «Мы, нижеподписавшиеся, (...) составили настоящий акт в том, что первый сдал, а последний принял находящуюся в 15-м зале ГПБ библиотеку Вольтера (...), причем проверки книг на местах не производилось, но по внешнему осмотру библиотека признана находящейся в порядке. При этом были переданы ключи, алфавитный каталог этой библиотеки, составленный в Эрмитаже в 1839 г., и так называемый «Инвентарь» ее, составленный в 1862 г., а равно и статистические материалы и архив по выдаче книг в чтение из библиотеки Вольтера в 1927, 1930 и 1931 гг., составленные прежним заведующим библиотекой В. В. Успенским списки маргиналий, список-перечень номеров на полках новой шифровки, составленные В. С. Люблинским карточки-описания маргиналий в количестве 42 штук и прочие черновые рабочие материалы»⁵⁴.

Через две недели после назначения, 20 марта 1932 г., М. Л. Лозинского арестовали. В связи с этим распоряжение о его назначении было отменено, а на заведование библиотекой Вольтера определен Иосиф Моисеевич Троцкий⁵⁵ (с 1938 г. — Тронский)⁵⁶. Это новое назначение было фиктивным: И. М. Троцкий не занимался собранием Вольтера. Он выполнял другую работу, но на первых порах должен был присутствовать на совещаниях, рассматривавших проекты его описания. До 1937 г. администрация ГПБ иногда решалась на подобные хитрости и уловки.

Три месяца М. Л. Лозинский провел в заключении. Ему были предъявлены обвинения в антисоветской агитации и пропаганде. М. Л. Лозинский виновным себя не признал. Постановлением коллегии ОГПУ от 17 июня того же года был приговорен к содержанию в лагере сроком на три года условно, и в тот же день освобожден из-под стражи⁵⁷. После чего вернулся в Библиотеку и продолжил работу. В связи с упразднением отделений составление каталога библиотеки Вольтера было возложено на Сектор обработки⁵⁸, туда и перевели М. Л. Лозинского, до этого много лет возглавлявшего Отделение искусств и технологий. Вскоре после освобождения М. Л. Лозинский представил свою концепцию описания

собрания, которая обсуждалась на библиотечном совещании 26 июля 1932 г., в повестке дня которого стоял один вопрос «Об издании каталога библиотеки Вольтера»⁵⁹.

Следует заметить, что с самых первых дней постановки вопроса о плановом описании библиотеки Вольтера речь шла о создании ее каталога. Каким должен был быть этот каталог, четкого представления не было. Одни считали, что материал в нем должен отразить порядок расстановки книг в шкафах, бывший в Ферне, т. е. топографический, другие ратовали за систематическую организацию материала, и у всех было представление, что пометы Вольтера будут отражены непосредственно в каталоге под соответствующей библиографической записью. М. Л. Лозинский обстоятельно проработал этот вопрос и представил на обсуждение концепцию, принципиальные положения которой, в конечном итоге, воплотились в имеющихся сегодня фундаментальных библиографиях этого собрания — каталоге библиотеки и корпусе читательских помет Вольтера.

Доклад М. Л. Лозинского назывался «О плане работ по изданию каталога библиотеки Вольтера». В совещании участвовали В. Э. Банк (председатель), заведующий Сектором обработки Бернгард Рудольфович Зельцле⁶⁰, его заместитель Мария Менделевна Арван⁶¹, М. Л. Лозинский и И. М. Троицкий. Заседание протоколировалось, и формулировки темы совещания и доклада М. Л. Лозинского даны по протоколу⁶². На обсуждение участников совещания М. Л. Лозинский вынес вопрос о разделении проекта научного описания библиотеки Вольтера на две части и предложил методику составления, принципы организации материала и подготовки к печати соответственно двух самостоятельных изданий: первое — каталог библиотеки Вольтера, второе — свод описаний его читательских помет на книгах. Он особо подчеркнул невозможность их объединения в одном издании. Каталог, по мнению М. Л. Лозинского, следовало составлять в алфавитном порядке, «При этом алфавит желателен единый, без разделения по языкам, <...> конволюты (преимущественно так называемые попури) могут быть выделены в особый раздел <...> основное описание должно включать в себя перечень всех составных частей конволюта, печатных и рукописных <...>. Рукописи как Вольтера, так и не его руки должны быть описаны в особом разделе». Кроме того М. Л. Лозинский считал, что «желательно издать в виде приложения к каталогу Фернейский инвентарь, снабдив его ссылками на каталог и указа-

нием тех книг, которые исчезли из Вольтеровской библиотеки еще до ее приобретения русским правительством. «Работа эта представляется довольно сложной, — отмечал он, — в виду крайней лаконичности записей Фернейского инвентаря».

В отношении подготовки издания помет Вольтера М. Л. Лозинский считал, что оно может оправдать себя «лишь в том случае, если против Вольтеровских пометок будут приведены те места текста, к которым они относятся». В случаях, «где имеются „немые“ отметки Вольтера, как-то: чистые закладки, отчеркивания на полях, загнутые углы, наклейки, следует ограничиться их протоколированием, с указанием номеров соответствующих страниц и строк. Но как принцип, — подчеркивал он, — следует принять, в необходимых размерах, цитирование текстов. (...) Описание книг, снабженных маргиналиями, должно следовать порядку номеров» каталога библиотеки Вольтера. При этом он предупреждал, что объем второй части издания (т. е. помет) невозможно установить заранее и отметил: «Во всяком случае, это будет несколько томов». Таковы основные положения доклада М. Л. Лозинского. (Полный текст доклада см. в «Приложении»). На основании его доклада участники совещания приняли следующее постановление: «Признать целесообразным издать описание библиотеки Вольтера в двух частях: 1) Каталог библиотеки и 2) Описание маргинальных помет. Для каталога принять алфавитный порядок. Признать желательным включение в каталог, в виде приложения, Фернейского инвентаря»⁶³. В плане очередности подготовки указанных изданий на первое место был поставлен каталог. Вскоре после совещания был создан коллектив его составителей, кроме М. Л. Лозинского — руководителя работы, в него вошли сотрудницы Сектора обработки Зоя Дмитриевна Иванова⁶⁴ и Александра Николаевна Попова⁶⁵, общее руководство было возложено на Б. Р. Зельцле. С августа 1932 г. проводились совещания с участием В. Э. Банка, О. П. Захарьиной⁶⁶, Б. Р. Зельцле, З. Д. Ивановой, М. Л. Лозинского, И. М. Троцкого и других специалистов; обсуждались вопросы методического характера, рассматривалась смета на подготовку рукописи к печати⁶⁷. В конце этого года составители приступили к непосредственной работе с собранием.

В плане Сектора обработки на 1932 г. записано, что он «ставит себе задачей (...) частичную обработку библиотеки Вольтера»⁶⁸.

В то время руководство Библиотеки предполагало, что каталог будет готов к изданию, а может быть даже и издан не позже 1935/1936 года.

Это нашло отражение в сводном перспективном плане ГПБ на вторую пятилетку (1933—1937. — *И. 3.*), принятом в том же 1932 г.: «Составление и издание каталога библиотеки Вольтера, хранящейся в ГПБ. Указанный каталог представляет большую как научную, так и валютную ценность в виду огромного интереса, проявляемого к Вольтеровской библиотеке на Западе и в Америке. Означенную работу предполагается закончить в течение двух первых лет второй пятилетки»⁶⁹. В сентябре 1932 г. директор Библиотеки М. М. Добраницкий ⁷⁰ просил Сектор науки Наркомпроса поставить каталог библиотеки Вольтера в издательский план сектора, так как «издание его у нас (т. е. в ГПБ. — *И. 3.*), — писал он, — будет, очевидно, в ближайшее время затруднительно»⁷¹. Наркомпрос предоставил Библиотеке право «на передачу печатания каталога Вольтера иностранным издательствам, при условии предоставления части тиража для обменного фонда и без валютных затрат с нашей стороны»⁷².

Однако темпы работы над каталогом не отвечали запланированным срокам. Отставание от плана в разные годы было разным. К примеру, в 1933 г. работа была выполнена только на 30 % от запланированной, в 1934 г. отставание от плана, хотя и незначительное, сохранялось — планировалось описать 450 названий книг, а было описано 439 названий ⁷³. Систематическое отставание от плана объяснялось как загруженностью всех участников «вольтеровской группы» другими служебными обязанностями, так и тем, что работа оказалась сложнее, чем предполагалось. Об этом, в частности, говорится в отчете о проделанной работе за 1933 г.: «На библиографическую подготовку материала было запланировано значительно меньше часов, чем того потребовала чрезвычайно сложная работа над книгой XVII и XVIII веков»⁷⁴. Для форсирования проекта в 1934/1935 г. в коллектив составителей каталога дополнительно ввели главного библиотекаря Консультационно-библиографического сектора (КБС) Дину Самойловну Крым ⁷⁵. Сложность работы и разнообразные служебные обязанности всех участников «вольтеровской группы» заметно снижали темп работы над каталогом на протяжении всех последующих лет, но они были не единственными причинами, отодвигавшими ее завершение. В 1935 г. работа над каталогом библиотеки была приостановлена. Причиной этому послужил очередной арест М. Л. Лозинского — руководителя и главной движущей силы проекта. Он был арестован 4 марта 1935 г. и вновь обвинен в антисоветских настроениях, проявляющихся в его литературной деятельности, и в связях «с реакционными

писательскими кругами». Постановлением Особого совещания НКВД от 7 марта 1935 г. «по операции „б/люди“» приговорен как «социально опасный элемент» к высылке вместе с семьей из Ленинграда сроком на 5 лет. Постановлением того же органа от 22 апреля приговор был отменен ⁷⁶. Хотя заключение М. Л. Лозинского длилось менее двух месяцев, оно весьма негативно отразилось на его служебном положении и дестабилизировало работу не только самого руководителя коллектива составителей, но и всех его участников. Между тем в библиотечном плане на 1935 г. намечалось «окончание первой очереди — составление алфавитного каталога, подготовка очереди — описание помет Вольтера»⁷⁷. М. Л. Лозинский должен был сделать в этом году 1500 библиографических описаний. Естественно, этот план не был выполнен, но работа над каталогом не прекратилась совсем, и в отчете за 1935 г. отмечено, что описано 894 названия ⁷⁸. Недовыполненные позиции плана 1935 г. перешли на следующий год. Отчитываясь о проделанной работе с коллекцией в 1936 г., руководство Библиотеки доложило в Библиотечное управление Наркомпроса РСФСР: «1). Каталог библиотеки Вольтера — описано 90 % собранного материала. 2). Наследие Вольтера в Государственной Публичной библиотеке — исследование о библиотеке Вольтера, о рукописных материалах — 20 печ. л.» и сообщило, что планируется в 1937 г.: «Каталог библиотеки Вольтера — закончить каталогизацию, составить систематический указатель»⁷⁹. О предстоящем издании этого труда сообщал путеводитель ГПБ 1936 г.: «До революции, несмотря на свое значение, это собрание не имело мало-мальски удовлетворительного каталога. В настоящее время ведутся работы по подготовке к печати подробного научного описания, в котором будут указаны все „маргиналии“ (заметки на полях) Вольтера»⁸⁰.

Руководство ГПБ предприняло ряд мер, чтобы ускорить работу. Д. С. Крым с 25 января 1937 г. перевели на 0,5 ставки в Сектор обработки, таким образом урегулировав распределение ее рабочего времени между КБС и работой с вольтеровским собранием. В октябре 1937 г., с целью активизации описания вольтеровских маргиналий в коллектив составителей был вновь включен В. С. Люблинский, занимавшийся этой работой в 1930—1932 гг. С ним был заключен договор на условиях сдельной оплаты за сверхурочную работу ⁸¹, с оставлением за ним его основных обязанностей по заведованию «Кабинетом инкунабул». Аналогичные договоры заключили с З. Д. Ивановой, Д. С. Крым и А. Н. Поповой ⁸².

Были также четко разграничены обязанности между участниками рабочей группы. М. Л. Лозинский, З. Д. Иванова и А. Н. Попова должны были заниматься составлением каталога; В. С. Люблинский и Д. С. Крым — описанием помет Вольтера. Несмотря на старания администрации ГПБ содействовать реализации проекта всеми доступными ей средствами — расширение состава рабочей группы, изыскание средств материального стимулирования — в и без того трудный рабочий процесс постоянно вмешивалась идеологическая составляющая, бьющая в первую очередь по руководителю этой работы. В октябре 1937 г. года была организована, в духе того времени, дискредитирующая кампания, направленная против сотрудников Библиотеки, работавших в ней с дореволюционных времен. В библиотечной стенгазете («ГПБ на соцстройке», № 12, 15 окт.) появилась статья пожарника, бывшего сторожа Императорской Публичной библиотеки товарища Биткова под названием «Организаторы саботажа в ГПБ». В ней он сообщил о намерении библиотекарей из «бывших» — В. Э. Банка, И. А. Бычкова, М. Л. Лозинского, В. В. Майкова и некоторых других, уже не работавших в ней, закрыть Библиотеку для читателей на два дня, 16—17 ноября 1917 г., организовав таким образом «саботаж на культурном фронте против молодой советской республики». Товарищ Битков рассказывает: «Мы, технические работники, узнали втихую, что Совет (Российской Публичной библиотеки. — *И. З.*) постановит закрыть Библиотеку. Мы, технические работники, не подчинились решению Совета, открыли Библиотеку, начали сами обслуживать читателя». Заканчивает свою статью товарищ Битков далеко идущими и весьма нетипичными для рода деятельности и компетентности сторожа/пожарника выводами, относящимися почему-то к одному В. Э. Банку: «Не потому ли у нас в ГПБ обстоит дело архи-скверно с научно-исследовательской работой, руководимой ученым секретарем Банком. Планы научно-исследовательские не выполняются, срываются. <...> Нет ли в такого рода линии поведения в работе ученого секретаря Банка продолжения той саботажнической линии, которую он проводил в начале Октябрьской революции, с той лишь разницей, что он тогда действовал в открытую, а сейчас „тихой сапой“»⁸³. Статья была, естественно, инспирирована. Ее обсуждение на заседании профсоюзно-партийного актива Библиотеки (23.10.1937) породило документ, названный «Предложение». В нем активисты ГПБ, в частности, отметили, что статья «„Саботажники в ГПБ“ (так! — *И. З.*) клеймит позором антисоветское поведение б. чиновников императорской

публичной библиотеки (так! — *И. З.*) — нынешних сотрудников ГПБ Банка В. Э., Лозинского М. Л., Майкова В. В., Бычкова И. А. Заседание констатирует, во-первых, что нынешнее неудовлетворительное состояние научной работы в ГПБ является отзвуком саботажа, имевшего место в Публичной библиотеке в 1917 году; во-вторых, что научная работа, доверенная В. Э. Банку, не поставлена на уровень задач, поставленных нам нашей родиной и партией»⁸⁴. В результате этой кампании В. Э. Банк был уволен (в 1938 г. восстановлен), остальным было предложено улучшить свою работу. В частности: «Лозинскому М. Л. принять самое близкое участие в научной работе по раскрытию коллекций иностранных фондов, активно приступить к подготовке молодых работников и включиться в общественную жизнь ГПБ»⁸⁵. Абсурдность этого «предложения» усугубляется тем, что еще в марте 1937 г. М. Л. Лозинский был выведен из штата ГПБ и переведен на работу по договору⁸⁶. Не удивительно, что работа с собранием Вольтера «протекала вяло», как сказано в отчете Библиотеки за 1937 г., в нем также зафиксировано: «Намеченное по плану редактирование каталога в 900 единиц выполнено в количестве 150, библиографическая же редакция еще более „вяло“ — из 2400 выполнено 220, зарегистрировано маргиналий 2137»⁸⁷.

2-го февраля 1938 г. М. Л. Лозинского в числе других 133 «неблагонадежных» сотрудников ГПБ отчислили из Библиотеки, «как не работающего по договору»⁸⁸, т. е. договор с ним не продлили.

Для самого М. Л. Лозинского, это было, скорее, освобождением от тягостной атмосферы постоянного идеологического прессинга, царившей в те годы в ГПБ. Как раз в это время он приступил к переводу «Божественной комедии» Данте — главного труда своей жизни, принесшего ему высшую литературную награду СССР (1946 г.) и тем оградившего его от дальнейших преследований в качестве потенциального «врага народа».

Выход М. Л. Лозинского из проекта по научному описанию библиотеки Вольтера нанес ощутимый урон работе и еще более отдалил ее окончание. Теперь составление каталога легло на плечи двух человек — З. Д. Ивановой и А. Н. Поповой. Д. С. Крым с В. С. Люблинским, как уже говорилось, занимались описанием вольтеровских помет. Ответственность за выполнение проекта в намеченные сроки была целиком возложена на заведующего Сектором Б. Р. Зельцле.

Руководство Библиотеки, на которое, в свою очередь, давили из Наркомпроса, не оставляло надежды издать каталог в ближайшее время. Распоряжением по ГПБ № 163 от 4 июля 1938 г. был установлен новый срок окончания его подготовки к печати — 1 апреля 1939 г.⁸⁹ На причину установления такого точного срока окончания работы проливает свет письмо директора Библиотеки А. Х. Вольпера⁹⁰ М. Л. Лозинскому, датированное 7 июля этого года: «Многоуважаемый Михаил Леонидович, настоящим сообщаю Вам приятную новость по вопросу о каталоге библиотеки Вольтера. Комитет по организации советского павильона на Международной выставке в Нью-Йорке (весна 1939 г.) согласился экспонировать каталог библиотеки Вольтера среди остальных ценностей нашей библиотеки, в каковых целях принял на себя издание вышеуказанного каталога. Поэтому желательно было бы знать, каково состояние Вашего здоровья и когда Вы сумеете оказать нам содействие по консультации и редактированию вышеуказанного издания. Выпуск каталога намечен под Вашей редакцией, что согласовано с Комитетом павильона». Михаил Леонидович ответил: «Я рад узнать, что работа над каталогом библиотеки Вольтера настолько подвинулась вперед, что к I. XII предполагается иметь готовую к печати рукопись. Но, к моему глубокому сожалению, я лишен возможности сотрудничать в заключительной стадии работы. Я болен очень серьезно, на ближайшие месяцы мне запрещен всякий хоть скольнибудь напряженный труд»⁹¹.

Несмотря на то, что не удалось привлечь к работе М. Л. Лозинского, дирекция ГПБ, во что бы то ни стало, хотела издать каталог к указанной выставке. В августе 1938 г. последовало распоряжение, регламентировавшее организацию работы над ним: «В целях ускорения подготовки к печати каталога библиотеки Вольтера для экспонирования на Международной выставке в Нью-Йорке настоящим приказываю: 1. Сотрудников отдела обработки т. т. Иванову З. Д. и Попову А. Н. всецело использовать на каталогизации вышеуказанной библиотеки, освободив от работы в иностранной группе Отдела обработки в нормальные служебные часы. 2. т. Крым Д. С. выделить из общего рабочего времени на библиографическую редакцию вышеуказанного каталога необходимое для этой работы максимальное время (до 6 час. в день). 3. т. Крым принять участие в работе по учету маргиналий Вольтера (по договору). 4. т. Крым обеспечить на время своего отпуска достаточное количество материала для работы каталогизации. 5. Ответственным за выполнение вышеуказанного зада-

ния утверждается т. Зельцле. 6. т. Зельцле организовать необходимую техническую помощь и надлежащую обстановку для успешного и своевременного выполнения выпуска задания. 7. О ходе выполнения работы по подготовке каталога библиотеки Вольтера т. Зельцле докладывать мне (А. Х. Вольперу. — *И. 3.*) каждые 15 дней в письменном виде», и этим же распоряжением Б. Р. Зельцле предписывалось обеспечить бесперебойную обработку текущих иностранных поступлений⁹², что было, практически, невозможно.

В годовом отчете Библиотеки за 1938 г. отмечалось: «Чрезвычайно затянувшаяся работа по каталогизации библиотеки Вольтера велась и в 1938 г., особенно в его I-м полугодии, недостаточно интенсивно. Только после постановки вопроса руководством Библиотеки о необходимости спешной подготовки каталога были предприняты меры к развитию работы. Освобождение двух работников от других обязанностей и переключение их полностью на эту работу, значительное участие в работе т. Крым дали возможность форсировать работу и ее в основном закончить»⁹³.

Время показало, что поставленная задача — выпуск каталога к началу 1939 г. — была невыполнима, но к ее исполнению были приложены все усилия. В конце 1938 г. Б. Р. Зельцле пришлось перевести двух квалифицированных сотрудников и каталогизатора-машинистку из подгруппы каталогизации иностранной литературы на работу с каталогом вольтеровского собрания, ослабив участок обработки новых поступлений иностранной литературы. Несмотря на все старания, завершить работу над каталогом в указанный срок не удалось. Отчитываясь о работе отдела за 1939 год, Б. Р. Зельцле писал: «В 1939 году работали над каталогом: Д. С. Крым, З. Д. Иванова, А. Н. Попова, частично, Е. Г. Цейтлин, В. В. Андреева, А. И. Лескова, а с середины года также и Б. Р. Зельцле. На 1-е января закаталогизирован весь фонд и проведена по нему библиографическая и редакционная работа. На 1940 год остались следующие работы: 1) редактирование обнаруженных в комплекте «*Gazette de France*» брошюр, в большинстве «мазаринад», каталогизация и редактирование нескольких комплектов периодических изданий; 2) произвести исправления и изменения, связанные с редакцией материала, произведенной в 1939 году; 3) расположение всего материала в общем алфавитном порядке; 4) библиографический просмотр всего материала в подготовленном к печатанию на пишущей машинке виде; 5) техническая подготовка

к печатанию на пишущей машинке (нумерация и т. д.); 6) перепечатка на пишущей машинке и сверка напечатанного; 7) подготовка рукописи к изданию (написание предисловия и пр.)»⁹⁴. В план Отдела на 1940 г. эта работа, как практически завершенная, не была включена и выполнялась, по свидетельству Б. Р. Зельцле, «за счет уменьшения плана работы иностранной группы <...>. Проводилась работа по окончательной редакции закаталогизированного материала. Окончательно подготовлен к перепечатке каталог до буквы Р. Перепечатаны буквы а, b, с, d, е»⁹⁵. Машинописный набор каталога продолжался и в первой половине 1941 года. Завершающая стадия работы над ним была прервана началом Великой Отечественной войны.

К этому моменту вторая часть работы — описание читательских помет Вольтера на собственных книгах находилась в стадии значительно меньшей готовности. В. С. Люблинский, введенный в коллектив составителей в 1937 г., писал, что список маргиналий, выявленных В. В. Успенским, был сделан им вчерне ⁹⁶, и что к составлению их «охранной описи было приступлено лишь в 1937 году»⁹⁷. Он также подробно рассказал о множестве нюансов и трудностей, с которыми столкнулись составители в работе с этим материалом ⁹⁸, что объясняло гораздо более низкие, нежели предполагалось, темпы описания маргиналий.

Помимо этих двух больших и главных работ ГПБ по описанию личной библиотеки французского просветителя, ее изучение в довоенный период велось и по отдельным частным темам, в том числе сотрудниками ГПБ. Более того, по мнению М. П. Алексева, работа Библиотеки над описанием вольтеровской коллекции «способствовала оживлению исследовательских интересов к книгам, собранным Вольтером, вызвав целый ряд публикаций советских ученых, делившихся результатами своих занятий над книгами библиотеки Вольтера как в советской печати, так и за рубежом»; он дает обстоятельный обзор этих трудов ⁹⁹.

В военные годы работа с вольтеровским собранием не велась.

Из отчета ГПБ за 1941 г.: «С первых же дней войны был решен вопрос о необходимости эвакуации наиболее ценной части фондов библиотеки <...>. К эвакуации были назначены следующие отделы и группы: Рукописный отдел; Инкунабулы; Русские издания гражданского шрифта XVIII века; Русская периодика первой четверти XIX века; Россика; Коллекция «Пушкиниана»; Библиотека Вольтера; Дом Плеханова. Названные отделы упаковывались полностью со всеми п/отделами

и группами материалов, в них входящих. «...» На упаковку дано было 7 дней»¹⁰⁰.

В ноябре 1944 г. исполнилось 250 лет со дня рождения Вольтера. Из бывшей «вольтеровской группы» к этому времени в ГПБ остались только З. Д. Иванова и В. С. Люблинский.

Михаил Леонидович Лозинский, как уже говорилось выше, ушел из Библиотеки в 1938 г., Александра Николаевна Попова (дек. 1941) и Дина Самойловна Крым (апр. 1942) умерли в блокадном Ленинграде, а Бернгард Рудольфович Зельцле трагически погиб в октябре 1942 г. в селе Шурма Уржумского района Кировской области, куда он был выслан из Ленинграда как немец в апреле того же года.

Между тем Библиотека готовилась отметить эту дату, насколько позволяли условия того времени, торжественно. В сентябре 1944 г. была создана комиссия для организации и проведения юбилейных мероприятий, в которую вошли Т. К. Ухмылова ¹⁰¹ (председатель), З. Д. Иванова, В. С. Люблинский и Д. Д. Шамрай ¹⁰². Проводить празднования приходилось в отсутствие вольтеровского собрания, о чем В. С. Люблинский писал для сведения общественности: «Вместе с многими другими сокровищами Публичной Библиотеки книги и рукописи Вольтера были своевременно эвакуированы из Ленинграда для сбережения их от немецких бомб. Война и блокада прервали более чем на 2 года также и работу ГПБ по подготовке к печати полного научного описания библиотеки Вольтера. Поэтому в юбилейные дни Публичная библиотека не может ни устроить показа принадлежащих Вольтеру книг и его бесчисленных читательских пометок, ни даже дать в руки исследователю ключ к этому собранию — „Каталог Библиотеки Вольтера“. Стремясь, однако, посылить раскрыть перед советскими читателями свои фонды, Публичная библиотека отмечает вольтеровские дни 1944 года устройством докладов о библиотеке Вольтера и выпуском настоящей брошюры»¹⁰³. Этот юбилей Библиотека отметила серией мероприятий. 25 октября 1944 г. в Кабинете библиотекосведения ГПБ состоялось научное заседание, посвященное Вольтеру, информация о нем была заблаговременно опубликована в «Ленинградской правде»¹⁰⁴. 22 ноября в Ленинградском доме писателей прошел вечер памяти Вольтера, на котором В. С. Люблинский рассказал о его библиотеке. Торжественное заседание состоялось в Доме писателей 31 декабря 1944 г. Оно было организовано совместно ГПБ и Ленинградским отделением Союза писателей, к заседанию была приурочена книжная выставка ¹⁰⁵.

На этом литературно-научном вечере (заседание началось в 19 час.) М. Л. Лозинский прочитал свои новые переводы из произведений Вольтера. Историк ГПБ писал о широком общественном резонансе мероприятия: «Во многих органах печати опубликованы отклики на сессию, посвященную 250-летию со дня рождения Вольтера, организованную Библиотекою и Ленинградским отделением Союза советских писателей. Отмечаются доклады профессора М. П. Алексеева „Вольтер и Россия“ и главного библиотекаря В. С. Люблинского „О последних наблюдениях над работой Вольтера в своей библиотеке“, сообщение З. Д. Ивановой о работе над каталогом библиотеки Вольтера (около 7 тыс. томов), а также открытая Библиотекой в зале Дома писателя выставка, на которой представлены первые издания Вольтера на французском и русском языках, собрание гравюр XVIII века, посвященных Вольтеру, материалы об уничтожении его произведений фашистами»¹⁰⁶. Д. Д. Шамрай выступил на заседании с докладом «Санкт-Петербургские издания произведений Вольтера в переводе на греческий язык»¹⁰⁷. Юбилею был посвящен сто первый номер «Календаря знаменательных дат» — листовое издание ГПБ, прерванное войной на № 100 и возобновленное в 1944 г. Текст для «Календаря...» написал В. С. Люблинский, он же опубликовал в прессе ряд статей о Вольтере и его книжном собрании¹⁰⁸. З. Д. Иванова выступила на страницах печати с сообщением о подготовке в ГПБ каталога его библиотеки¹⁰⁹. В декабре она возобновила работу над каталогом, по выражению В. С. Люблинского, занималась его «окончательной отделкой»¹¹⁰. Доработка заключалась в перепечатке 228 карточек с описаниями искусственных сборников, которые не успели внести в машинопись до начала войны. После этого оставалось «произвести общую тщательную проверку и корректуру списка»¹¹¹ и отдать каталог в печать. В октябре 1945 г. библиотека Вольтера вернулась из эвакуации, что сделало возможным сверить описания каталога с самими изданиями. «В Отделе каталогизации, — записано в отчете ГПБ за 1945 г., — заканчивается просмотр подготовленного к печати каталога библиотеки Вольтера, текст, переписанный на машинке, сличен с оригиналами описаний. Не сверен только текст описаний произведений самого Вольтера и pot-pourri. В 1945 г. просмотрен также текст каталога с точки зрения правильности французского языка»¹¹². В помощь З. Д. Ивановой к последнему, на данном этапе, редактированию рукописи был привлечен Лев Семенович Гордон¹¹³, работавший с 1945 г. по договору, а в 1946 г. переведенный в штат ГПБ.

После создания в 1946 г. под руководством В. С. Люблинского Отдела редкой книги, библиотека Вольтера, как уже говорилось выше, вошла в состав его фондов. В этом году вновь образованным «отделом были разработаны принципы издания маргиналий Вольтера». По мысли В. С. Люблинского, пометы Вольтера следовало «публиковать в тематических подборках (например, „Вольтер — читатель современных драматургов“, „Следы работы Вольтера-историка на полях читанных им книг“, „Вольтер и атеистическая литература“ <...> и т. п.)»¹¹⁴. Исполнителями этой работы были он сам и Л. С. Гордон. На этом этапе они занимались разработкой методики составления и организации материала будущих тематических выпусков, а также публикацией отдельных вольтеровских маргиналий. В 1946 г. был подведен итог работы над каталогом: «Особое место в научной работе Библиотеки в отчетном году занимала окончательная редакция рукописи каталога библиотеки Вольтера. В истекшем году завершена, наконец, многолетняя работа по подготовке к печати этого, имеющего большое научное значение, каталога, объемом до 80 печ. листов»¹¹⁵. В 1947 г. сообщалось: «Сдана в издательский отдел окончательно отредактированная многолетняя работа „Каталог библиотеки Вольтера“»¹¹⁶. Здесь следует заметить, что В. С. Люблинский планировал подготовить к 1950 г. второй том каталога библиотеки Вольтера — систематический. Рукопись, поданная в издательский план ГПБ, в документации ОРК фигурирует как первый том¹¹⁷. Этот вариант рукописи каталога сопровождали две вводных статьи: редакционное введение З. Д. Ивановой под заглавием «Предисловие» и исторический очерк В. С. Люблинского, посвященный библиотеке Вольтера¹¹⁸. Редактором каталога значилась Зоя Дмитриевна Иванова. Руководство Библиотеки попросило М. Л. Лозинского, избранного летом 1947 г. членом Ученого совета ГПБ, дать рецензию на рукопись этого труда. Отзыв Михаила Леонидовича был исключительно положительным. В нем он в частности отметил: «Давно назревшая потребность в издании научного каталога библиотеки Вольтера стала остро настоятельной. <...> Необходимо безотлагательно приступить к его печатанию. Появление этого каталога с понятным нетерпением ожидает научный мир и в СССР, и за его рубежами. Достойное выполнение этой ответственной задачи является вопросом престижа как для Государственной Публичной библиотеки, так и для всей советской науки». В личном же письме к З. Д. Ивановой он сделал ряд редакционных замечаний к ее «Предисловию»: «Глубокоуважаемая

Зоя Дмитриевна, дирекция ГПБ поручила мне составить небольшую записку о важности скорейшего издания Вольтеровского каталога и дала мне возможность ознакомиться с некоторыми его частями, в том числе и Вашей вступительной статьей. <...> Мне кажется, это — прекрасное пособие при пользовании каталогом. Только всякий ли читатель поймет такие специальные термины, как „добавочные описания“ (стр. 11), „количественная характеристика книги“ (стр. 12). Затем — одна мелочь. Едва ли удачно выражение <...> „собрание книг XVII—XVIII и более ранних столетий“. Ведь таких столетий всего два, да и то книг XV века в б-ке Вольтера, насколько помню, вовсе нет. <...> Мне очень дорого, что и мое имя помянуто в числе потрудившихся над каталогом, но оно помянуто слишком пышно. Нельзя ли сказать просто: „М. Л. Лозинским“ <...>, а „орденоносцем“ — не надо; сейчас так уже не принято писать о литераторах. Не кажется ли Вам, что в этом абзаце следует вспомнить усердный труд покойной А. Н. Поповой? И наконец, говоря о работе В. С. Люблинского, по-моему, недостаточно сказать, что им „составлена охранная опись читательских помет Вольтера“, тем более что рядовому читателю этот термин мало понятен. Надо указать, даже если бы это явилось повторением, что В. С. произведена та самая работа по выявлению маргиналий путем постраничного просмотра, о которой сказано на стр. 15, и что эта работа сопровождалась составлением охранной описи»¹¹⁹. Из сохранившейся рукописи «Предисловия» З. Д. Ивановой ¹²⁰ видно, что все замечания были ею учтены. Одобренная редакционно-издательским советом ГПБ и отзывом М. Л. Лозинского рукопись каталога была принята к печати.

Теперь предстояло найти для нее типографию, способную выполнить это трудное в полиграфическом отношении издание. В 1947 г. в еще не вполне восстановившемся после военной разрухи Ленинграде это была непростая задача. В то время напечатать такой труд качественно могли только несколько типографий: Академии наук в Ленинграде, СВАГ (издательство Советской военной администрации в Германии) в Лейпциге, две эстонские — таллинская «Коммунист» и тартуская им. Х. Эйдемана ¹²¹. Пока шла переписка с названными типографиями и с вышестоящими инстанциями по вопросу издания каталога библиотеки Вольтера, проходило время. В ноябре 1949 г. был уволен и через несколько дней арестован Л. С. Гордон. В связи с арестом сотрудника отдела как его заведующий В. С. Люблинский подвергся в Библиотеке коллективному общественному порицанию и в декабре 1949 г. вынужден

был ее покинуть. Все проекты, связанные с именами Л. С. Гордона и В. С. Люблинского, были приостановлены. Да и заниматься «пробиванием» публикации каталога стало некому. Подготовленная к печати рукопись была «положена в стол» более чем на десять лет.

Только в 1960 г. удалось достичь соглашения с издательством Академии наук, взявшимся печатать этот труд. Парадокс ситуации заключается в том, что эта вынужденная задержка в издании каталога пошла ему на пользу. Когда вопрос об его издании вновь встал в повестку дня, «рукопись каталога потребовала не только просмотра, но и частичной переработки, — написала в предисловии к нему Наталия Васильевна Варбанец ¹²², один из участников коллектива, занимавшегося предиздательской подготовкой рукописи к печати, — необходимость придать каталогу более четкое построение, приблизить его к типу современных печатных каталогов, а главное — подчеркнуть специфические особенности книг вольтеровской библиотеки вызвала некоторые структурные изменения (...) и более подробную, чем в предыдущем варианте каталога, характеристику отдельных экземпляров»¹²³. Редактором издательства Академии наук в данной работе был В. С. Люблинский. В этом качестве он плотно работал с каталогом. Известно, что В. С. Люблинский был тесно связан со своими бывшими коллегами по Отделу редкой книги. Все вместе они являлись творческим коллективом, сообщая доводя рукопись этого труда до известной сегодня печатной версии каталога. Последняя редакция рукописи проходила под руководством Татьяны Николаевны Копреевой ¹²⁴, в то время заведующей Отделом редкой книги. Ею же был подготовлен к публикации в качестве приложения к каталогу фернейский инвентарь. Доработанный таким образом каталог наиболее полно воплотил в жизнь концепцию этого труда, разработанную Михаилом Леонидовичем Лозинским. Книга увидела свет в 1961 г.¹²⁵ В настоящее время она является библиографической редкостью.

После сдачи в печать каталога библиотеки Вольтера возобновилась работа по подготовке к изданию свода его читательских помет. Она велась также под руководством Т. Н. Копреевой. Основными составителями этого труда кроме нее были Н. В. Варбанец и Л. Л. Альбина ¹²⁶. В работе участвовала также Т. А. Афанасьева ¹²⁷, привлекались внештатные сотрудники. В 1967 г. по просьбе Т. Н. Копреевой немецкие коллеги из Института романских языков и культуры Академии наук ГДР провели предварительные переговоры с издательством своей АН об издании

собрания маргиналий Вольтера, готовившегося в ГПБ. В следующем году уже при непосредственном участии Т. Н. Копреевой была достигнута предварительная договоренность с берлинским «Akademie-Verlag» о печатании этого труда на их полиграфической базе ¹²⁸.

В дальнейшем эта большая и сложная работа продолжалась под руководством Тамары Павловны Вороновой ¹²⁹. В коллектив ее составителей входили сотрудники из разных подразделений библиотеки: Отдела рукописей, комплектования, каталогизации, фондов и других ¹³⁰. От ОРК в работе участвовала Л. Л. Альбина, Т. А. Афанасьева, Т. В. Бобылева. Первые пять томов «Корпуса» маргиналий Вольтера были выпущены в Берлине в «Akademie-Verlag» в 1979—1994 гг. После упразднения ГДР продолжение работы в его бывшем академическом издательстве стало невозможно. Спустя двенадцать лет выпуск этого труда возобновился. Его новым издателем стал «Фонд Вольтера» Оксфордского университета (Voltaire Foundation. University of Oxford). С 2006 г. свет увидели восемь томов, включая перепечатку и изданных ранее в Берлине; издание продолжается. После такого большого вынужденного перерыва из прежней рабочей группы, занимавшейся подготовкой к печати вольтеровских помет, продолжает работать одна Наталья Алексеевна Елагина. Она была введена в коллектив составителей этого труда в 1970 г., и с тех пор является неизменным (а теперь и единственным реально действующим) членом редколлегии и составителем «Корпуса...». В настоящее время Наталья Алексеевна — ведущий научный сотрудник Отдела рукописей РНБ — ведет эту работу самостоятельно.

В XXI в. работе с библиотекой Вольтера придан новый импульс: на ее базе создан Центр изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера», открывший широкие возможности ее использования и исследования в международном масштабе. Учреждение этого Центра — немалая заслуга его бывшего заведующего Николая Александровича Копанева ¹³¹. Организацию центра Н. А. Копанев задумал вскоре после поступления на работу в РНБ. Сохранилось письмо к нему Президента Франции Ж. Ширака от 14 апреля 1998 г., которое свидетельствует о том, что к этому времени им уже были сделаны серьезные шаги в данном направлении. Письмо небольшое, поэтому приведем его полностью, за исключением служебных фраз: «Господин Хранитель, / Заметки Вольтера на полях „Общественного договора“ („Contrat social“) Жан-Жака Руссо, которые Вы мне любезно преподнесли, являются чрезвычайно интересными

и проливают свет на отношения между этими двумя великими французскими писателями. Я горячо благодарю Библиотеку Вольтера в Санкт-Петербурге и лично Вас за этот любезный жест, который останется дорогим воспоминанием о беседах, которые мы вели во время моего визита в Россию в сентябре прошлого года. / Ваша идея о создании в Санкт-Петербурге международного Центра исследований европейской культуры XVIII века находится в центре моего внимания, но необходимо предварительно ее хорошо изучить. Прошу Вас информировать нашего генерального консула в Санкт-Петербурге о развитии вашего проекта. / Примите, Господин Хранитель, выражение моего искреннего уважения. / Сердечно, / Жак Ширак»¹³². Заинтересовать этим проектом удалось не только президента Франции, но и российское правительство. Николаем Александровичем была проделана огромная научно-организационная работа, в которой внутри Библиотеки он опирался на поддержку генерального директора РНБ Владимира Николаевича Зайцева ¹³³, принявшего заинтересованное и деятельное участие в проекте. 28 июня 2003 г. состоялось торжественное открытие Центра изучения эпохи Просвещения «Библиотека Вольтера». В нем приняли участие премьер-министры России и Франции. За создание этого Центра В. Н. Зайцев и Н. А. Копанев были удостоены высокой государственной награды Франции — ордена Почетного легиона.

К открытию Центра было приурочено проведение международного круглого стола «Век Просвещения и современность», на котором с докладами и сообщениями выступили ведущие специалисты по изучению XVIII в. из России, Англии и Франции ¹³⁴. С этого времени в РНБ ежегодно проводится научная конференция «Вольтеровские чтения». Материалы конференции публикуются в одноименном сборнике трудов ¹³⁵.

Закljučая экскурс в историю бытования и основных направлений изучения и описания собрания Вольтера в Императорской Публичной — Российской национальной библиотеке, хочется отметить, что его судьба в стенах этого учреждения сложилась благополучно. Оно не было расформировано, как другие личные библиотеки. Его сохранности, изучению, описанию придавалось большое значение во все времена. Эта традиция сохраняется и в наши дни.

Российская национальная библиотека

Вольтеровские чтения

Выпуск 3

Сборник научных трудов

Санкт-Петербург
2015